

В безжалостном поступе судьбы всё сущее ничтожно.

Ричард Гудман осознал эту истину слишком поздно — в двадцать два года, когда даже в костном мозге поселился запах гари и алкогольного перегара.

Он взял в руки оружие в семнадцать, сражаясь на поле боя, которое было грязнее самого ада. Там он насмерть бился с демонами, у которых носы и пальцы на ногах росли из одних и тех же мест. Шесть часов ночной кровавой бани — и всё это время он держался лишь на резком, бьющем в нос Спрее вдохновения, чтобы хоть как-то различать в темноте своих и врагов.

В последний раз, когда он сжимал скользкую, зловонную демоническую плаценту, чтобы закинуть её в костёр, в голове крутилась лишь одна мысль: какая же мерзость.

К счастью, живучесть у него была отменная: в двадцать один год он принял на себя удар гранаты, предназначенный командиру. Кости в половине тела раздробило в труху, но он чудом выкарабкался. Получил почётную отставку, полгода отлёживался в госпитале для ветеранов, а при выписке в придачу к пенсии получил новенький коттедж с садом и бассейном.

Раз армия не назначила дату возвращения, значит, возвращаться не нужно.

Он тут же устроился вышибалой в бар. Работа нехитрая: тренироваться, носить обтягивающую одежду, демонстрируя мышцы, и просто стоять на входе, чтобы пьяницы лишний раз подумали, стоит ли буяннить.

Копейки в зарплате, дом на халяву — жизнь у него была дешёвая, зато беззаботная.

В неоновых огнях ночного города он ждал добычу или сам становился ею.

Верно, Ричард Гудман любил мужчин.

В вопросах желаний он всегда был прямолинеен и не собирался ломаться из-за этой своей маленькой особенности: если кто-то приглянулся — бросал выразительный взгляд.

К его удивлению, улов был неплохим: одни хотели поговорить о жизни, другие переходили сразу к делу, и всё это без лишних слов. А случались и такие, с кем удавалось пережить нечто романтическое.

Дни пролетали в алкогольном угаре, пока двадцать девятого марта, сразу после празднования своего двадцатидвухлетия, Ричард не притащился домой, пошатываясь от выпитого.

Взрослый мужчина, полный сил — он расслабил галстук, прикидывая, чем бы заняться перед сном, а потом планировал с комфортом принять ванну и лечь в кровать.

Дзинь-дзинь.

Телефонный звонок пронзил тишину. Глаза Ричарда загорелись.

— Ха! Кто это у нас такой активный? — Он довольно крутанулся на месте, повалился на диван и, закинув ноги на спинку, поднял трубку. Голос его звучал с ленивой усмешкой: — Привет, доброй ночи.

— Доброй ночи. Судя по голосу, у тебя всё неплохо, — голос мужчины в трубке был ледяным.

Словно ушат холодной воды вылили на голову, улыбка мгновенно сползла с лица Ричарда.

— Пятое апреля, возвращение в строй. Лейтенант Мартин приказал мне связаться с тобой. Семь утра, станция рядом с твоим домом. Если нужно что-то ещё — говори сейчас.

— ...Пошёл ты, — процедил Ричард сквозь зубы.

— Я не гей, — без тени эмоций ответил собеседник.

— Да при чём тут это! — Ричард с силой швырнул трубку. Он сполз с дивана на холодный пол и замер, как выброшенная на берег рыба.

— К чёрту возвращение... — пробормотал он. Как там говорилось? Я мог бы смириться с тьмой, если бы не видел света?

Сейчас ему хотелось сказать лишь одно: я мог бы смириться с графиком без выходных, если бы не этот год отпуска.

Сонливость и мысли о развлечениях испарились, словно их и не было. Ричард глубоко вздохнул, схватил куртку и вышел на улицу.

Ночной воздух был прохладным, но не мог прогнать ни хмельной дурман, ни растущую тревогу. Он шёл, пошатываясь, и в голове бешено пульсировала одна мысль:

Не хочу возвращаться.

Не хочу возвращаться.

Грязь, усталость, боль.

Страх, глубоко въевшийся в подкорку, вырвался наружу.

Не хочу возвращаться.

— Как же холодно... — только и смог выдавить он из себя бессмысленную жалобу, кутаясь в тонкую куртку.

В полузабытье перед глазами вставали картины: солёный морской ветер, жгучее солнце, расплывчатые улыбки родных... и тот незнакомец, которого он когда-то довел до слёз своей беспомощностью. Все крупницы тепла давно были раздавлены колесом судьбы, а он, словно тряпичная кукла, привязанная к этому колесу, мог лишь волочиться следом. Что ещё ему оставалось?

Он споткнулся и свернул в кинотеатр. Купил билет, даже не глядя, что показывают — хоть боевик, хоть мультики. Ему был нужен лишь тёмный угол, чтобы спрятаться, как испуганному кроту, ищущему безопасности в темноте.

В зале было пусто.

Впрочем, кто бы сомневался — в такой час нормальные люди едят горячий ужин дома.

Ричард криво усмехнулся: такие призраки, как он, среди людей — настоящие Инородцы.

Свет погас, экран ожил. Ричард закрыл глаза, вжался в спинку кресла и позволил алкоголю окончательно усыпить нервы.

Военный устав гласит: руки бойца не должны дрожать.

Но это, возможно, его последний шанс на слабость — напиться, мучиться от изжоги, выбирать, терпеть до последнего или сдаться врачам.

В конце концов, кому какое дело?

Сознание Ричарда погрузилось в хаос.

— О-о-о!

Вскрик зрителей, словно игла, вонзился в затуманенный мозг. Ричард вздрогнул, сердце сжалось, будто его сдавила ледяная рука.

Он взглянул на часы: проспал больше сорока минут. На экране мелькали клинки, фигуры в

длинных одеждах с широкими рукавами сражались в неистовом танце. Эти развевающиеся чёрные волосы, эти длинные полы одеяний, непонятная речь... Почему-то всё это напомнило ему того незнакомца из глубин памяти.

Такой чистый.

Мысль возникла внезапно.

Чёрные волосы, бледная кожа, никаких веснушек или лишних волосков — от него веяло чем-то... почти нечеловечески безупречным.

Ричард был помешан на этой чистоте. С детства он выстирывал одежду всей семьи до белизны, а на войне, испачкавшись в крови демонов, до крови тёр себя в душе.

Он вдруг осознал: каждый мужчина, с которым он был, неизменно обладал такими же чёрными волосами, бледной кожей, был таким же тонким и аккуратным.

В груди без всякой причины разлилось онемение, словно тысячи муравьев вгрызались в сердце. Он в последний раз взглянул на экран, запечатлел в памяти дерущиеся фигуры, резко вскочил и, не оглядываясь, вышел из зала. Билетёр лишь мельком взглянул на него, не посчитав нужным что-то говорить.

Холодный ветер ударил в лицо, но боль в сердце не утихла, а стала невыносимой, будто оно вот-вот взорвется. Голова стала тяжелой, как свинцовая, резкая боль раскалывала её, а слёзы непроизвольно покатались из глаз.

Он опирался на стену, каждый шаг давался с трудом, словно он ступал по вате. Наконец, обессиленный, он рухнул на скамейку у дороги и принялся судорожно хватать ртом воздух.

Бум.

Плечо наткнулось на что-то твёрдое.

Ричард медленно повернул голову.

На другом конце скамейки тихо сидел человек.

Длинные, чёрные как смоль прямые волосы спадали на плечи безупречно сшитого плаща. Незнакомец сидел неестественно прямо, не шелохнувшись, словно забытая в холодной ночи изысканная статуя.

Кровь в жилах Ричарда будто застыла, боль в сердце достигла пика. Словно ведомый невидимыми нитями, он резко протянул руку и развернул человека за плечо.

И встретился с парой глаз.

Чёрные, бездонные зрачки, в которых застыли глубокая тоска и почти нечеловеческое равнодушие.

— Ты... ты... — голос Ричарда дрожал, слёзы застилали взгляд, а тело сотрясали конвульсии.

Он хотел выкрикнуть имя — хотя не знал его — или сказать что-то ещё, но все силы разом покинули его.

Прежде чем тьма поглотила сознание, он успел увидеть лишь эти глубокие, как омут, чёрные глаза, в которых холодно отражалось его собственное искаженное от боли лицо.

Глухой стук.

Тело бессильно рухнуло на землю.

<http://bllate.org/book/18654/1797912>